

РАЗДЕЛ III. ПОЭТИКА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ББК 84

УДК 821.161.1

DOI 10.52172/2587-6945_2022_20_2_41

*Е. Г. Постникова*¹

ORCID: 0000-0001-8877-2328

*Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова
455000, Россия, г. Магнитогорск, пр. Ленина, д. 38
ekaterinapost@mail.ru*

ЛАГЕРНАЯ ПОЭМА БОРИСА РУЧЬЕВА «ПОЛЮС»: К ИСТОРИИ ТЕКСТА

Цель статьи – текстологическое исследование и реконструкция первого варианта поэмы Бориса Ручьева «Полюс», введение в научный оборот ранее не опубликованного варианта вступления к поэме. Комбинация литературоведческих сравнительно-исторического и биографического методов позволяет взглянуть на трагический период истории России, связанный со сталинскими репрессиями, сквозь призму личной истории, изложенной поэтом в образных формах, выявить специфику лагерной поэзии Ручьева. Актуальность предпринятого исследования определяется малоизученностью лагерной поэзии Бориса Ручьева. В архивных документах магнитогорской поэтессы Н. Г. Кондратовской был обнаружен не изданный ранее рукописный вариант вступления к поэме Б. Ручьева «Полюс» с автографом поэта. В этом, скорее всего, первом варианте документальная функция преобладает над эстетической. Тогда как в последующих, подготовленных к печати, процензурированных вариантах этого текста правка идет в сторону усиления художественности и ослабления эмоциональности, экспрессивности. Текст вступления к поэме «Полюс» Б. Ручьева, являясь одним из шедевров лагерной поэзии, содержит в себе

---

¹ Постникова Екатерина Георгиевна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник ЛФИС НИИ исторической антропологии и филологии, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск, Россия.

типичные черты «лагерной литературы»: биографический характер, обусловленный личным опытом; документальность (художественный документ о человеке); художественный образ лагеря как особого пространства (лагерь-остров, архипелаг); образ зоны как ада; философское осмысление человека в ситуации «несвободы», ситуации «экзистенциального выбора», одиночества, брошенности, растерянности.

Ключевые слова: лагерная поэзия, потаенная литература, Борис Ручьев, Магнитострой, советская культура

Постановка проблемы и история вопроса

В постсоветский период в отечественном литературоведении достойное место заняли исследования «потаенной литературы», лагерной поэзии и прозы узников архипелага ГУЛАГа. Здесь, конечно, стоит отметить заслугу литературоведа Л. Н. Таганова, который первым показал поэзию ГУЛАГа как однородный корпус поэтических текстов и включил его в этом качестве в более широкий контекст русской литературы XX в. [17; 18]. История формирования представления о лагерной прозе в литературоведении подробно рассматривается в работе Л. С. Стариковой [16]. Отметим, что в литературоведении последних лет выделяются два подхода к лагерной литературе. С одной стороны, данный корпус текстов «рассматривается как материал для изучения статуса поэтического слова как эстетического средства, способного дать историческое (и художественное, шире – культурное) свидетельство о советской концентрационной системе» [9]. Например, исследователь Пьералли, работая с такими текстами, выявляет художественные приемы, при помощи которых осуществляется свидетельская функция [9]. Другие исследователи концентрируют свое внимание на экзистенциальных мотивах в творчестве репрессированных, оказавшихся в ситуации «пограничья», между жизнью и смертью, перед «экзистенциальным выбором» [6].

«Лагерная тема» является важнейшей частью творческого наследия «певца Магнитостроя» поэта Бориса Ручьева. К сожалению, этой частью наследия поэта занимался только один, ныне покойный уральский литературовед и биограф Бориса Александровича Лидия Петровна Гальцева, которой принадлежит заслуга публикации не опубликованных при жизни поэта лагерных стихов и писем, а также первая попытка анализа этих текстов [2]. Причем публиковались статьи Гальцевой с большой задержкой, например, в 2004 году в «Вестнике Челябинского гос. университета» появилась статья,

отправленная туда в 1995 году [3]. Современных литературоведов гораздо больше увлекают темы труда, любви, памяти в наследии магнитогорского «гения места», автора знаменитого «Мы жили в палатках...» [7; 4; 10]. Актуальность предпринятого исследования определяется малоизученностью лагерной поэзии Бориса Ручьева. Цель статьи – текстологическое исследование и реконструкция первого варианта поэмы Бориса Ручьева «Полнос», введение в научный оборот ранее не опубликованного варианта вступления к поэме.

История находки и варианты текста

Весной 2018 г. в Библиотеке имени Н. Г. Кондратовской (г. Магнитогорск) при разборе бумаг Нины Георгиевны, старых документов и разнарядок на фольклорную практику была найдена тетрадь с рукописью, написанной мелким убористым почерком явно не рукой поэтессы. При более пристальном рассмотрении было установлено, что перед нами единственная сохранившаяся рукопись поэмы Бориса Ручьева «Полнос», подлинный авторский автограф с подписью поэта и датой 5 мая 1957 г. Позднее рукопись была передана в Магнитогорский историко-краеведческий музей [11]. Есть все основания утверждать, что эту рукопись Борис Ручьев оставил на хранение своей давней «боевой» подруге, своему товарищу Нине Георгиевне. В эту же тетрадь вложен листочек, на котором рукой Кондратовской переписано стихотворение Ручьева «Медведь» («По слухам, поднимаясь из берлоги»). То, что именно Нине Кондратовской Борис Ручьев доверил свое лагерное поэтическое наследие, показывает, насколько верной и глубокой была эта дружба одноклассников по курганской школе и соратников-поэтов Магнитостроя.

Перед тем как говорить о самой поэме, следует вспомнить о том, что поэт Борис Ручьев (1913–1973) прибыл в Магнитогорск в октябре 1930 г. Работая плотником-бетонщиком, он стал одним из организаторов литературного объединения «Буксир», литсотрудником молодежной газеты «Магнитогорский комсомолец» и певцом «Магнитостроя». В 1932 г. Б. Ручьева направили на II Всероссийское совещание молодых поэтов (так называемые Малеевские курсы).

26 декабря 1937 г. Борис Ручьев был арестован в Златоусте по клеветническому обвинению в контрреволюционном преступлении, репрессирован. Мидихан Котлухужин в книге «Где вставало «Красное солнышко» так рассказал историю его ареста: «Молодой талантливый поэт выпустил первую книжку стихов. Получил гонорар и шумно отметил светлое событие в какой-то златоустовской чайной.

Е. Г. Постникова

Подогретый хмельным, расхвастался: дескать, у него денег куры не клюют. Да он вообще на них плюет. Выгаскивает из внутреннего кармана пиджака мятую пачку купюр и плюет на них. А в довершение бросал деньги на пол и презрительно топтал их.

На следующий же день поэт отвечал на вопросы следователя НКВД.

– Ты на Ленина плевал?

– Да что вы! И в мыслях такого быть не может.

– А портрет Ленина топтал? <...> Но ты деньгами сорил, плевал на них, даже топтал. А чей здесь портрет нарисован?

Вот так по-глупому и попал Ручьев в лагерь» [5, 4].

Свой срок заключения с 1938 по 1947 г. Ручьев отбывал в Северо-Восточных исправительно-трудовых лагерях НКВД СССР на Крайнем Севере. Вернулся в любимую Магнитку поэт-первостроитель только в 1957 г. Тогда же он и подарил Нине Георгиевне или дал на сохранение рукопись вступления к поэме «Полюс».

Этот начальный отрывок поэмы, как известно, был опубликован только после смерти поэта в журнале «Урал» № 6 в 1988 г и в газете «Магнитогорский рабочий» в номере от 16 июня 1987 г. В «Урал» рукопись готовила к публикации литературовед Лидия Гальцева [12]. Под публикацией стоят даты 1942–1945. В журнале «Сибирские огни» № 7 за 1973 г., видимо, еще при жизни поэта Лидия Гальцева в своей статье «Огневое ремесло поэта. О творчестве Б. Ручьева» привела два небольших отрывка из «Полюса» [2].

В сети интернет размещены две версии текста с незначительными отличиями. Первый подготовлен Л. Гальцевой для журнала «Урал». Второй вариант размещен на сайте «Музей шансона» и, скорее всего, не может считаться оригинально-авторским [13]. В найденном нами варианте, хранившемся у Н. Г. Кондратковской, есть существенные разночтения с этими известными вариантами текста.

Сравнительно-сопоставительный анализ вариантов текста с точки зрения поэтики

Поэзия Ручьева засвидетельствовала эволюцию авторского сознания, трансформацию «Я» поэта от юного, звонкого, дерзкого, залихватски-самоуверенного, даже самовлюбленного, «удачливого» парня, которому, как ему кажется, «завидует» черной завистью его собственный дед, казак, старый вояка («Ты же, не хваля и не ругая, как завистник смотришь на меня» из «Зависть» 1933 г. [15, 6]), Ручьева-юнца, который испытывает восторг от самого себя и своей

роли творца нового, залитого солнцем мира, до тяжелого одичалого медведя-шагуна, страдающего бессонницей, одиноко бродящего в снежной пурге («По слухам, поднимаясь из берлоги...» [14, 131]). «Полос» – это ключевой, переломный этап личностной эволюции поэта.

Ситуация лагеря, в котором оказывается поэт, – это чрезвычайная, пограничная ситуация, ситуация экзистенциального выбора. В ситуации такого выбора человек оказывается в точке пересечения двух или нескольких несогласованных, живущих каждая по своим законам действительностей. Молодой поэт в результате ареста и лишения гражданских прав оказывается в «пограничной ситуации» между двух миров: «прошлым», понятным, светлым и «настоящим» адским, унижающим человеческое достоинство, абсурдным.

Доминантная тема «Полюса» – это тема потери, утраты Родины (советского Урала и Магнитки, первостроителем которой он являлся). Поэт трагически переживает свою оторванность от Родины, от идеала. Певец новой социальной реальности, он теперь лишен даже права на советские идеологические ценности («здесь на флаг утрачены права»). Поэт оказывается в маргинальном сообществе, чуждом, враждебном ему мире, где царят философия и моральные установки преступного мира. Зона в его восприятии – это остров между мирами: прошлым и будущим, жизнью и смертью, это иномирие.

В том краю, где я живу, – не просто
Родину зовут Материком.
Колыма моя – *безвестный остров*,
Даже пароходам не знаком
На домах у нас не выются флаги
Здесь на флаг утрачены права.
Жизнь идёт, как на архипелаге,
Ибо – *зоны – те же острова* [11, 1].

На зоне-острове поэт оказывается один против всех. Это одиночество и противопоставленность миру лагеря проявляется в преобладании местоимения первого лица единственного числа «Я» («Я пошел, дрожа, по снежной пыли <...> Я ж дрожал ночами без постели <...> Хлеба я просил до слез голодный <...> Сколько горя от людей я видел <...> И тогда запомнил я навеки» [11, 1-2]). Есть только «я» и «они». «Мы» осталось в Магнитке («Мы жили в палатках с зеленым оконцем» из «Песни о брезентовой палатке» [14, 92]). Здесь поэту абсолютно не с кем объединиться, нет того сообщества, которого он бы мог стать частью, идентифицироваться с ним. В этом проявляется и идеологическое противопоставление Ручьева всему лагерному. Поэт подчеркивает, что он здесь случайно, по ошибке,

несправедливо осужден. Он не враг народа, он не политический и не зек. Это одиночество в беде. Нет «мы», нет коллективного «Я», как у других поэтов-лагерников, например, у А. Жигулина, спецификой поэзии которого является «единое сознание лагерных заключенных – коллективное «Я» (выраженное, как правило, местоимениями 1 лица множественного числа), которое руководствуется нравственным императивом» [6, 38].

И все же такие обороты, как «мой», «свой» («Полюс *мой*», «*мой* остров», «Колыма *моя*», «Я попал на этот остров *свой*») говорят о ситуации принятия. Этот страшный иномирный остров с его жуткими обитателями стал частью личной судьбы поэта, его внутреннего мира, как бы он ни старался на уровне сознания отвергнуть его, чуждая поэту философия проникает через подсознание, что выдается в совершенно несвойственной для Ручьева жаргонной экспрессивной лексике, появляющейся в поэме, и той агрессии и злобе, которая вдруг прорывается в рукописном тексте «Полюса».

Герой попадает в чужой мир, идеологически и ценностно чуждый ему, говорящий на арго. Его, как человека, чувствующего магию слова, поначалу коробит воровская лексика, воровские жаргонные словечки, мат режет слух. У воров «даже рты как язвы от поганых непристойных слов»:

*Хищный сброд калек людеобразных;
Вечно даром бравших хлеб и кров.
У которых даже рты, как язвы,
От поганых, непристойных слов* [11, 2].

Но и в его рассказе об этом мире появляется подобная лексика: шулеришки, шестерки, тузы биты (не в играх, «в битвах»), «по закону здесь живет» (имеется в виду воровской закон), «заморский крап» (имеется в виду особая разметка рубашки карт условным способом, употребляемая шулерами).

*Шулеришки и антисемиты,
Чьи мозги прожег заморский крап,
чьи тузы, не в играх – в битвах биты,
зубы редки, руки как у баб;
Все, кто волком рыскал по России,
Сытой вошью ползал без забот...
Словом, перечислить я не в силе,
Всех, кто по закону здесь живет,
За ограду жадным взором глядя,
Пайку получив за чёрный труд,
Здесь, всяя Руси великой, – б...*

Самые бесстыжие живут [11, 2].

«Б... бесстыжие» – это, конечно, об урках. Возможно, это синоним слова «суки», которое на воровском жаргоне означает преступники, порвавшие с ворами «в законе», предатели преступников [1, 35].

Зона, по Ручьеву, – это загон, для «двуногой, злой как волк, овцы». Образ построен на внутреннем противоречии, на соединении несоединимого, подчеркнем его оксюморонность.

Зона – это как загон овечий,
Для двуногой, злой как волк, овцы
Под штыками в зону каждый вечер
Загоняют жителей бойцы [11, 2].

Здесь мы видим характерный для лагерной поэзии мотив раздвоенности личности: с одной стороны, человек – жертва, овца, раб, с другой стороны, он же зверь, волк. Осознание звериной природы в себе, которую и рожают, вытаскивают из человека и загоняют внутрь его «штыками» – открытие человека в ситуации экзистенциального выбора [8].

С одной стороны, мы видим неприятие воровского лагерного мира, а с другой стороны, свидетельство того, насколько этот мир проник, внедрился в «Я» поэта. Обратим внимание на последнюю строфу поэмы.

И спокойно вижу взглядом острым
Как в краю снегов, со всех концов
Окольцован, будто в море остров
Страшный мир б... и подлецов.

Начало поэмы «Полюс»

Б. Ручьев

5/V 57 г.» [11, 4].

В публикации Л. Гальцевой, подготовленной для журнала «Урал», это четверостишие выглядит по-другому:

И спокойно вижу взглядом острым,
Как в краю снегов, со всех концов –
Окольцован, будто в море остров,
Страшный мир последних подлецов [12, 144].

В интернет-версии с сайта «Музей шансона» появляется новая строчка:

И спокойно вижу взглядом острым –
Взгляд у эка бритвенно остёр –
Окольцованный снегами «остров»,
Страшный мир среди молчащих гор [13].

Полюс – это водораздел между Я «до» (молодой, зеленый) и Я «после» («взгляд у ээка бритвенно остер»). Котлухужин пишет: «Даже здесь Борис Ручьев остается неисправимым романтиком в своей надежде, что «последние подлецы» так и останутся в «краю снегов» на «окольцованном острове» [5, 51]. Сравнивая варианты текста, можно увидеть, как тяжело поэту давался этот «романтизм». Самое страшное открытие – открытие внутренней другой природы человека вообще и другой темной стороны в себе: «До чего ж гноится в человеке *ядовитой яростью* душа!», в другом варианте «злобою».

И тогда запомнил я навеки,
Увидя годами не спеша –
До чего гноится в человеке
Ядовитой злобою душа!» [11, 4].
«И тогда запомнил я навеки,
Разглядев с годами, не спеша –
До чего ж гноится в человеке
Ядовитой яростью душа! [12, 144].

Не дает душе умереть, спасает в христианском значении этого слова только труд. Труд как спасение – это и есть та идея, которая объединяет все варианты текста. Труд для лирического героя, первостроителя Магнитки, – это и воля, и жизнь, и рассвет, это то, что не дает ему «оскотиниться», спасает душу от разложения, от «ада» лагерного быта. Сравним:

Даже крик свой, рвущийся наружу,
В горле придушив, готовый в бой,
Шёл я жить в предутреннюю стужу
На рассвете в каменный забой» [11, 3].
«Даже крик свой, рвущийся наружу,
В горле сжав, чтоб не рвануться в бой,
Шёл я жить в предутреннюю стужу
Как на *волю* – в каменный забой» [12, 143].
«Даже крик свой, рвущийся наружу,
В горле сжав, чтоб не рвануться в бой,
Шёл я жить в предутреннюю стужу
Снова к *жизни* – в каменный забой [13].

В «Полюсе» передается ужас, который переживает поэт. Это ужас от несправедливости произошедшего с ним («Ни при чем тут я, скажу по чести / Человек душевный и простой» [11, 3], или «Но при чём тут я? По чьей-то мести» [12, 143]). Но он нигде не высказывает сомнения в справедливости советского строя в целом.

Выводы

Уверены, что текст, найденный в документах Кондратковской, переданный ей на хранение самим Ручьевым, – это и есть первый вариант «Полюса». В пользу данного предположения говорит его «непричесанность» в художественном плане, его эмоциональность и избыточная экспрессивность:

Он, как свежая рана, еще кровоточит.

Современные исследователи подчеркивают, что именно в лагерной поэзии ярче всего проявляется статус литературы как свидетельства. Поэзия в условиях советской концетрационной системы приобретает статус документа. Исследователь К. Пьерелли отмечает: «Из приведенных наблюдений следует заключить, что поэтические тексты, созданные в условиях заключения, имеют определенное отношение к условиям порождения текста как свидетельства, <...> прежде всего мы говорим о литературном творчестве, имеющем определенные формальные характеристики, среди которых употребление относительно простого языка, соответствие лирического Я тому Я, переживающему опыт репрессий, преобладание документальной функции над эстетической функцией» [9, 149].

В варианте вступления к поэме Бориса Ручьева «Полюс», сохраненном Н. Г. Кондратковской, документальная функция преобладает над эстетической. Передавая детали своего первого столкновения с миром воров в колонии, поэт не очень тщательно работает над эстетикой слова. Для него важнее выразить эмоцию: шок, ужас и обиду от несправедливости. Тогда как в последующих, подготовленных к печати, процензурированных вариантах этого текста правка идет в сторону усиления художественности и ослабления эмоциональности, экспрессивности.

В целом можно заметить, что текст вступления к поэме «Полюс» Б. Ручьева, являясь одним из шедевров лагерной поэзии, содержит в себе типичные черты «лагерной литературы»: биографический характер, обусловленный личным опытом; документальность (художественный документ о человеке); художественный образ лагеря как особого пространства (лагерь-остров, архипелаг); образ зоны как ада; философское осмысление человека в ситуации «несвободы», ситуации «экзистенциального выбора», одиночества, брошенности, растерянности.

Литература

1. Бирих А. Трансферы криминальной субкультуры в русской поэзии конца XX – начала XXI века // Критика и семиотика. 2019. № 1. С. 29–39.
2. Гальцева Л. П. «Огневое ремесло поэта. О творчестве Б. Ручьева» // Сибирские огни». 1973. №7. С.163–172.
3. Гальцева Л. П. «Жизнь идет, как на архипелаге...» (каторга и ссылка в жизни и творчестве Б. Ручьева) // Вестник Челябинского государственного университета. 2004. Т. 2. С. 5–14.
4. Грамматчикова Н. Б., Рожкова Т. И. Конструирование идентичности в рабочей поэзии Магнитки: память как ресурс // Уральский исторический вестник. 2019. № 2 (63). С.14–21.
5. Котлухужин М. А. Где вставало «Красное солнышко». К 90-летию со дня рождения Б. А. Ручьева. Магнитогорск, 2003. 82 с.
6. Маджидова А. Ю. Экзистенциальные мотивы в лагерной поэзии Анатолия Жигулина первой половины 1960-х гг. // Вестник Социально-педагогического института. 2017. №3. С. 37–44.
7. Малек В. Е. Человек и страна в поэзии Б. А. Ручьева // Традиционные национально-культурные и духовные ценности как фундамент инновационного развития России. 2021. №1 (19). С.24–27.
8. Папуш М. Психотехника экзистенциального выбора. Москва: «Институт общенаучных исследований», 2001. 544 с.
9. Пьералли К. Поэзия Гулага как литературное свидетельство: теоретические и эпистемологические обоснования //Studia Litterarum. 2018. Т. 3. № 2. С. 144–163.
10. Рыжкова-Гришина Л. В. Творчество Бориса Ручьева: отражение времени и устремленность в будущее // Российский научный журнал. 2017. № 5 (57). С. 160–199.
11. Ручьев Б. Полос (рукопись поэмы) // МКУК «Магнитогорский историко-краеведческий музей». Научно-вспомогательный фонд музея. Шифр 6757/22. 28 с.
12. Ручьев Б. Полос // Урал. 1988. № 6. С. 143–144.
13. Ручьев Б. Полос // Музей шансона [Официальный сайт] / URL:http://www.shansonprof.ru/archiv/lyrics/narod/wP/p16/polyus_otyvok_iz_poe_myi_avtor_boris_ruchyov.html (дата обращения: 4.04.2022).
14. Ручьев Б. А. Собрание соч.: в 2 т. Т. 1. Челябинск: Юж.-Урал. Кн. Изд-во, 1978. 295 с.
15. Ручьев Б. А. Собрание соч.: в 2 т. Т. 2. Челябинск: Юж.-Урал. Кн. Изд-во, 1979. 231 с.

16. Старикова Л. С. «Лагерная проза» в контексте русской литературы XX века: понятие, границы, специфика // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. №2 (62). Т. 4. С. 169–174.
17. Таганов Л. Н. «Как дух наш горестный живуч...»: статьи, эссе, воспоминания, письма, заметки из литературного дневника, стихи. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2010. 332 с.
18. Таганов Л. Н. Потаенная литература: поэзия ГУЛАГа // Вопросы онтологической поэтики. Потаенная литература. Исследования и материалы / сост. А. Ю. Морыганов. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 1998. С. 80–87.

REFERENCES

1. Bierich A. Transfery kriminal'noj sub#kultury v russkoj poezii konca XX – nachala XXI veka [Transfers of Criminal Subculture into Russian Poetry at the End of the 20th - The Beginning of the 21st Century] // Kritika i semiotika [Critique & Semiotics]. 2019. № 1. P. 29–39.
2. Gal'ceva L. P. «Ognevoe remeslo pojeta. O tvorchestve B. Ruch'eva» // Sibirskie ogni». 1973. №7. P. 163–172.
3. Gal'ceva L. P. «Zhizn' idet, kak na arhipelage...» (katorga i sсылка v zhizni i tvorchestve B. Ruch'eva) // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2004. Т. 2. P. 5–14.
4. Gramatchikova N. B., Rozhkova T. I. Konstruirovanie identichnosti v rabochej poezii Magnitki: pamjat' kak resurs [Construction of Identity in Magnitka's Working Poetry: Memory as Resource] // Ural'skij istoricheskij vestnik [Ural Historical Journal]. 2019. № 2 (63). P. 14–21.
5. Kotluzhin M. A. Gde vstavalo «Krasnoe solnyshko». K 90-letiju so dnja rozhdenija B. A. Ruch'eva. Magnitogorsk, 2003. 82 p.
6. Madjidova A. Ju. Jekzistencial'nye motivy v lagernoj poezii Anatolija Zhigulina pervoj poloviny 1960-h gg. [Existential Motives in the Camp Loser Poetry of Anatoly Zhigulin in the First Half of the 1960] // Vestnik Social'no-pedagogicheskogo instituta. 2017. №3. P. 37–44.
7. Maleko V. E. Chelovek i strana v poezii B. A. Ruch'eva // Tradicionnye nacional'no-kul'turnye i duhovnye cennosti kak fundament innovacionnogo razvitija Rossii. 2021. №1 (19). P. 24–27.
8. Papush M. Psihotehnika jekzistencial'nogo vybora. Moskva: «Institut obshhenauchnyh issledovanij», 2001. 544 s.
9. P'eralli K. Pozejija Gulaga kak literaturnoe svidetel'stvo: teoreticheskie i jepistemologicheskie obosnovanija // Studia Litterarum. 2018. Т. 3. № 2. P. 144–163.
10. Ryzhkova-Grishina L. V. Tvorchestvo Borisa Ruch'eva: otrazhenie vremeni i ustremennost' v budushhee [Boris Ruchyov

Creativity: Time Reflection and Successful in the Future] // Rossijskij nauchnyj zhurnal. 2017. № 5 (57). P. 160–199.

11. Ruch'ev B. Poljus (rukopis' pojemy) // MKUK «Magnitogorskij istoriko-kraevedcheskij muzej». Nauchno-vspomogatel'nyj fond muzeja. Shifr 6757/22. 28 p.

12. Ruch'ev B. Poljus // Ural. 1988. № 6. P. 143–144.

13. Ruch'ev B. Poljus // Muzej shansona [Oficial'nyj sajt] / URL:http://www.shansonprofi.ru/archiv/lyrics/narod/wP/p16/polyus_otryivok_iz_poemyi_avtor_boris_ruchyov.html (data obrashhenija: 4.04.2022).

14. Ruch'ev B. A. Sobranie soch.: v 2 t. T. 1. Cheljabinsk: Juzh.-Ural. Kn. Izd-vo, 1978. 295 p.

15. Ruch'ev B. A. Sobranie soch.: v 2 t. T. 2. Cheljabinsk: Juzh.-Ural. Kn. Izd-vo, 1979. 231 p.

16. Starikova L. S. «Lagernaja proza» v kontekste ruskoj literatury XX veka: ponjatje, granicy, specifika [The "Camp Prose" in the Context of the Russian Literature of the 20 Th Century: Concept, Framework, Specificity] // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Kemerovo State University]. 2015. №2 (62). T. 4. P. 169–174.

17. Taganov L. N. «Kak duh nash gostestnyj zhivuch...»: stat'i, jesse, vospominanija, pis'ma, zametki iz literaturnogo dnevnika, stihi. Ivanovo: Ivanovskij gos. un-t, 2010. 332 p.

18. Taganov L. N. Potaennaja literatura: poezija GULAGA // Voprosy ontologičeskoj pojetiki. Potaennaja literatura. Issledovanija i materialy / sost. A. Ju. Moryganov. Ivanovo: Ivanovskij gos. un-t, 1998. P. 80–87.

BORIS RUCHEV'S CAMP POEM "THE POLE":
THE HISTORY OF THE TEXT

Yekaterina G. Postnikova

Dr. Hab. (Philology), Associate Professor, Leading Researcher Research Institute of Historical Anthropology and Philology, Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia.

Abstract

The aim of this article is to undertake textual research and reconstruction of the first variant of Boris Ruchev's poem "The Pole", as well as to present a previously unpublished variant of the introduction to the poem. The combination of comparative-historical and biographical methods allows us to look at the tragic period in Russian history, associated with Stalinist repressions, through the prism of personal history, presented by the poet in imagery, and to reveal the specificity of Ruchev's camp

poetry. The importance of the undertaken study is determined by the fact that the camp poetry of Boris Ruchev is insufficiently researched. An unpublished handwritten variant of the introduction to Ruchev's poem "The Pole" with an autograph of the poet was found among the archival documents of Magnitogorsk poetess N. G. Kondratkovskaya. In this, most likely, first version, the documentary function prevails over the aesthetic one. While in the later, ready-for-press, censored versions of this text, the edits aim at strengthening the artistic aspect and weakening the emotional aspect and expressiveness. The introduction to B. Ruchev's poem "The Pole" is one of the masterpieces of camp poetry, it possesses typical features of "camp literature": biographical nature determined by personal experience; documentality (an artistic document about a person); the artistic image of the camp as a special space (a camp-island, an archipelago); the image of the camp as hell; philosophical reflection on man in the situation of "unfreedom", the situation of "existential choice", loneliness, abandonment, confusion.

Key words: camp poetry, hidden literature, Boris Ruchev, Magnitostroy, Soviet culture, literature of the Urals.

Для цитирования: Постникова Е. Г. Лагерная поэма Бориса Ручьева «Полюс»: к истории текста // Libri Magistri. 2022. № 2 (20). С. 41–53.